

Въ Старицкомъ духовномъ училищѣ въ семидесятихъ годахъ.

(Изъ воспоминаній ученика).

Въ концѣ августа 1873 года, въ ясный и совсѣмъ теплый день, повезъ меня батюшка на приѣмныя испытанія въ Старицкое духовное училище. Помнится, въ этотъ день я былъ у литургіи, послѣ которой батюшка отслужилъ молебны Спасителю, Божіей Матери предъ особо почитаемой въ нашемъ селѣ Ея иконой Смоленской и св. великомуч. Георгію, покровителю храма и прихода. Послѣ небольшихъ сборовъ въ домѣ, работникъ старичекъ Евфимъ Платоновичъ, жившій у насъ чуть ли не другой десятокъ лѣтъ и съ такимъ всегда полнымъ названіемъ по имени и отчеству, запрегъ въ черненькую телѣжку «копчика», красивую, но довольно лѣнивую нашу лошадку, вынесъ и поставилъ въ телѣжку красный сундучекъ съ моимъ имуществомъ. Предъ выходомъ изъ дома, всѣ

приѣли, потомъ помолились Богу, а батюшка и матушка при этомъ благословили меня небольшою иконою Божіей Матери Тихвинской, которая во все продолженіе моего ученія освѣщала и охраняла меня «лучами своей милости». Матушка горько плакала, провожая меня; плакалъ и я, разставаясь съ дорогимъ Юрьевскимъ, роднымъ домомъ и привольнымъ дѣтствомъ.

Скоро мы проѣхали небольшое десятиверстное разстояніе до Старицы и въ тотъ же день, послѣ слабого испытанія, я былъ принятъ въ число учениковъ низшаго отдѣленія духовнаго училища. Въ первый же учебный годъ было произведено переименованіе отдѣленій на классы и изъ низшаго отдѣленія составлено было два класса: приготовительный и первый. Я былъ зачисленъ въ первый классъ.

Старицкое духовное училище въ семидесятыхъ годахъ помещалось въ стѣнахъ Успенскаго мужскаго монастыря. Оно занимало три монастырскихъ корпуса. Два, внутри стѣнъ, были деревянные: одинъ близъ монастырскихъ воротъ, другой за Введенскимъ теплымъ храмомъ. Третій корпусъ, вмѣщавшій два класса и учительскую комнату, каменный, расположенъ въ монастырской стѣнѣ на западной сторонѣ. Стоитъ онъ и теперь въ такомъ же видѣ, въ какомъ былъ въ тѣ года. Первые два корпуса въ настоящее время уже сняты, навѣрное, по ветхости ихъ, такъ какъ и въ то время видъ ихъ ясно говорилъ о послѣднихъ дняхъ ихъ существованія. Помнится, это были низкія и узкія, аршинъ 12, комнаты съ погнившими окнами, съ истертыми, опустившимися полами, щели въ которыхъ такъ были велики, что мыши, которыхъ почему то особенно было много, свободно перебѣгали изъ подъ одной половицы подъ другую. А мы, бывало, этимъ мышинымъ просторомъ пользовались для ловли ихъ. Для этого на маленькій рыбій крючекъ насаживали кусочекъ хлѣбца и опускали его на ниточкѣ въ щель, и мышь скоро попадалась. Вообще зданія училища, какъ эти деревянные, такъ даже и каменный корпусъ,

внутри и снаружи показались бы теперь жалкими лачугами въ сравненіи съ теперешними деревенскими земскими училищами. Но въ этихъ, «не красныхъ» углахъ, зданіяхъ, учились много лѣтъ сотни учениковъ, внесшихъ въ жизнь много свѣтлаго, разумнаго. Много духовной прелести сообщало училищу положеніе его внутри монастыря. Это поистинѣ было духовное училище. Старинныя, высокія монастырскія стѣны какъ бы закрывали насъ — учащихся отъ всего мірскаго, а съ другой стороны, величественная сѣнь храмовъ Божіихъ, каждодневный звонъ къ богослуженію, монашествующіе, богомольцы, — все это давало намъ массу чистыхъ религіозныхъ впечатлѣній, которыхъ не достигъ никакимъ нравственно-религіознымъ режимомъ. По звону колоколовъ мы, бывало, узнавали и справлялись о церковныхъ празднованіяхъ. Часто утромъ, до уроковъ, забѣгали въ храмъ, гдѣ постоять нѣсколько минутъ за богослуженіемъ и помолиться для насъ было обыкновеннымъ дѣломъ. А съ какою вѣрою и надеждою въ молитвенную помощь мы ходили, при всѣхъ трудныхъ минутахъ ученической жизни, въ часовню подъ колокольню, гдѣ была могила патріарха Іова! Брала въ ней изъ-подъ пола, подъ надгробіемъ, песочекъ и обыкновенно частичку его сыпали себѣ на голову, а во время экзаменовъ и въ книгу, и непремѣнно въ то мѣсто, которое лучше всего знаешь и которое хотѣлось бы и отвѣчать. Часто и очень часто бывало: въ какомъ мѣстѣ посыпанъ былъ песокъ въ учебникѣ, то доставалось отвѣчать и по билету. Господь видимо, по дѣтской нашей вѣрѣ, подавалъ желаемое. Игуменомъ монастыря въ то время былъ любимый и уважаемый всеми въ городѣ Гавріиль. Къ намъ, ученикамъ, онъ относился всегда отечески внимательно. Да и вообще въ монастырѣ мы чувствовали себя непринужденно, какъ бы между своими. Въ монастырской кухнѣ мы частенько закусывали въ перемены мягкій хлѣбъ и пили квасъ, а въ иной разъ поваръ наливалъ в щецъ съ снѣтками. И какъ вкусны были эти щи и мягкій хлѣбъ съ квасомъ! Не помню, чтобы въ продолженіи моего пребыванія въ училищѣ

была допущена кѣмънибудь изъ учениковъ въ стѣнахъ монастыря какаянибудь грубая шалость.

Смотрителемъ училища былъ Димитрій Иларіоновичъ Воскресенскій, а помощникомъ смотрителя—Яковъ Григорьевичъ Божуковъ, оба были съ семинарскимъ образованіемъ и уроженцы Тверской губерніи ¹⁾. Димитрій Иларіоновичъ преподавалъ русскій съ церковно-славянскимъ языки. Это былъ добрыйшій человекъ и гуманныйшій начальникъ и наставникъ. Онъ былъ средняго роста, худощавый, съ правильными чертами лица, всегда чисто, даже взячно, одѣтый. Его прекрасные каріе глаза свѣтились какою-то особою добротой, а всегда аккуратно выбритые усы и борода моложавили его на нѣсколько лѣтъ, хотя онъ переживалъ, какъ онъ иногда выражался, вторую полусотню лѣтъ. Съ учениками онъ былъ ласковъ и всегда отвѣчалъ на привѣтствія особой располагающей улыбкой. Вообще онъ былъ не холодный начальникъ, и даже обыкновенные выговоры и замѣчанія его ученикамъ за лѣнь и шалость звучали какимъ-то сердечнымъ сожалѣніемъ къ извѣстному неблагоприятному поведенію ученика. По этому легко мы лгали и не признавались въ своихъ проступкахъ помощнику смотрителя Якову Григорьевичу, но когда вступалъ въ разбирательство Димитрій Иларіоновичъ, то все обнаруживалось вачисто. Какъ преподаватель, Димитрій Иларіоновичъ употреблялъ особую, безъ строгихъ мѣръ, настойчивость къ усвоенію учениками знаній. Само собою понятно, для этого требовалось громадное терпѣніе къ ученическимъ немощамъ и искренняя любовь къ дѣлу и ученикамъ. Всего этого всегда было достаточно у Димитрія Иларіоновича. Между прочимъ, хорошо разбирались имъ на урокахъ стихотворе-

¹⁾ Авторъ не имѣлъ возможности пользоваться официальными біографическими данными о описываемыхъ имъ лицахъ, по этому сообщаетъ только тѣ изъ нихъ, которыя ему извѣстны лично или по передачѣ частныхъ лицъ.

нія и особенно басни съ ихъ нравительной стороны. При этомъ Дмитрій Иларіоновичъ любилъ примѣнять ихъ къ случаямъ изъ жизни, изъ своего собственнаго опыта, а въ иной разъ и къ ученикамъ, если чѣмъ нибудь подходила къ нимъ мораль басни.

Помощникъ смотрителя Яковъ Григорьевичъ Божуковъ былъ нашей грозою. Бывало, какъ увидимъ его высокую фигуру въ длинномъ пальто лѣтомъ, или зимою въ шубѣ съ высокимъ поднятымъ воротникомъ и съ палкою въ рукѣ, то все стараемся обратиться въ укромное мѣстечко. Тогда не было еще надзирателей, и весь надзоръ за нашимъ поведеніемъ въ училищѣ и на квартирахъ сосредоточивался въ рукахъ помощника смотрителя. Волей не волей, поэтому. Якову Григорьевичу приходилось быть грознымъ, чтобы наши шалости утихали не только при видѣ его, но и при одномъ произнесеніи его имени. Достаточно, бывало, кому-нибудь крикнуть: «Яковъ Григорьевичъ идетъ»,—и все между нами приходило въ порядокъ. По виду Яковъ Григорьевичъ былъ лѣтъ шестидесяти, высокаго роста, съ густыми нависшими бровями, всегда со средоточеннымъ серіознымъ лицомъ, говорилъ на «о» густымъ басомъ, который при разносахъ учениковъ переходилъ въ громовые раскаты, отъ которыхъ трепетали сердца провинившихся. Въ классѣ Яковъ Григорьевичъ ходилъ въ длинномъ, стариннаго покроя, сюртукѣ, съ подвязаннымъ чернымъ платкомъ на шею, вмѣсто галстука. Простая, съ загнутой ручкою, палка, съ которой Яковъ Григорьевичъ никогда не разлучался, была для насъ нѣкоторымъ указателемъ настроенія его. Бывало, если идетъ Яковъ Григорьевичъ, да вертитъ въ воздухѣ палкою, то это былъ плохой признакъ; попасться въ это время въ чемъ нибудь ему было плохо: будетъ полный разносъ. Но говоря о грозности Якова Григорьевича, надо оговориться, что такимъ онъ былъ въ исполненіи своихъ инспекторскихъ обязанностей и больше, кажется, по виду былъ грозенъ, чѣмъ по душѣ. Въ обыкновенной жизни это былъ ласковый, добрый человекъ, отецъ большой, умной, дѣльной семьи. Жилъ онъ въ своемъ небольшомъ, деревянномъ, съ поли-

садникомъ домикъ, на Предтеченской улицѣ. На другой сторонѣ этой улицы, почти напротивъ, былъ такой же небольшой домикъ учителя греческаго языка Θεодора Антоновича Трисвѣтова.

Преподавалъ Яковъ Григорьевичъ въ училищѣ ариѣметику и географію. Какъ преподаватель, онъ былъ самый аккуратный: ходилъ на урокъ до звонка и просиживалъ послѣ звонка. Приходъ его на урокъ въ нѣкоторомъ родѣ имѣлъ особенность. Обычно-венно задолго до его прихода уже мы сидимъ на мѣстахъ, и тишина въ классѣ полная. Прислушиваемся. Вотъ, по корридору слышны медленные тяжелые шаги, отъ которыхъ поскрипываютъ половицы. Отворяется дверь и важно входитъ въ классъ Яковъ Григорьевичъ. Подходить къ задней, около двери, партѣ, снимаетъ не сѣбѣ галоши, потомъ шубу или пальто, аккуратно кладетъ ихъ съ картузомъ на парту и, съ палкою въ рукѣ и со спискомъ, выходитъ на середину класса. Читаютъ молитву. Столъ (кафедра не было) для него ставили на середину класса. Когда сядетъ Яковъ Григорьевичъ за столъ, развернетъ списокъ, потомъ вынимаетъ очки, усердно протираетъ ихъ, осматриваетъ нѣсколько разъ стекла на свѣтъ и, надѣвши ихъ, вынимаетъ изъ кармана серебряную табакерку, цвѣтной носовой платокъ, — все это, опять аккуратно, вмѣстѣ съ учебникомъ, раскладываетъ по бокамъ развернутаго списка. А палку онъ вѣшалъ на спинку стула. Въ это время дежурный ученикъ долженъ былъ подать классный журналъ, который тотчасъ же Яковъ Григорьевичъ просматривалъ и подписывалъ инициалами: П. С. Я. Б., т. е. помощникъ смотрителя Яковъ Божуковъ. Дежурный бралъ журналъ обратно, а Яковъ Григорьевичъ углублялся въ ученическій списокъ. Проходило минуты двѣ, прежде чѣмъ онъ провнесетъ чью либо фамилію. И эти минуты намъ всегда были томительно длинны. Каждый слѣдующій урокъ Яковъ Григорьевичъ объяснялъ, и его объясненія иногда были до оригинальности практичны. Напр. дроби, какъ части цѣлаго числа, онъ объяснялъ примѣромъ разрѣзаннаго на части пи-

рога. По географіи, чтобы втолковать намъ суточное и годовое движеніе земли, Яковъ Григорьевичъ прибѣгалъ къ такому способу. На потолокъ, надъ столомъ на гвоздикъ, (кажется, нарочно для этого вбитый), вѣшалъ свой картузь. Самъ бралъ въ руки глобусъ и, вращая его, обходилъ столъ, поясняя намъ, что картузь-солнце, кругъ стола орбита, глобусъ-земля. На всѣхъ четырехъ сторонахъ стола дѣлались при этомъ остановки для объясненія времени года. Затменіе солнца и луны объяснялись такимъ же способомъ, только луну изображалъ кто нибудь изъ учениковъ, который долженъ былъ при обхожденіи Якова Григорьевича съ глобусомъ вокругъ стола, ходить кругомъ его и на извѣстныхъ мѣстахъ заслонять своей головой (луной) лучи воображаемаго солнца. Объясненія подобнаго рода въ настоящее время могутъ показаться слишкомъ престыми, но для насъ въ то время, когда не было въ училищѣ никакихъ пособій, онѣ были очень полезны и удобопонятны. Вообще ариметику и географію у Якова Григорьевича мы понимали и порядочно знали.

Учителемъ греческаго языка былъ Ѳеодоръ Антоновичъ Три-свѣтовъ. На видъ онъ былъ нѣсколько моложе Димитрія Иларіо-новича и Якова Григорьевича, средняго роста, плѣшивый и кривошей. Уроковъ греческаго языка въ 3 и 4 кл. было до 8 въ недѣлю и приходилось по два урока въ день. Кажется, при такомъ количествѣ учебнаго времени для греческаго языка, мы должны были бы вполне постигнуть всю его мудрость. Но выходило у насъ совершенно наоборотъ. Ни одинъ предметъ мы такъ худо не знали, какъ греческій языкъ. При поступленіи въ семинарію изъ греческаго языка мы были пропущены по особому снисхожденію.

Въ первомъ классѣ семинаріи намъ, старичкамъ, особо задавались уроки погречески съ перваго склоненія. Причина такой малоуспѣшности нашей заключалась въ исключительныхъ особенностяхъ личности Ѳеодора Антоновича, какъ преподавателя. Онъ былъ замѣчательный знатокъ греческаго языка. Передавали, что

онъ свободно могъ говорить не только на древне-греческомъ языкѣ, но и по новогреческомъ, зналъ хорошо древнюю греческую литературу и исторію. При этомъ онъ не только зналъ, но любилъ все греческое, но свои знанія передать намъ какъ-то не могъ.

На урокахъ онъ всегда больше говорилъ самъ, чѣмъ слушалъ ученика. Какой-нибудь терминъ греческій, слово, историческое названіе лица, мѣстности,—все подобное было поводомъ для Ѳедора Антоновича говорить цѣлую лекцію намъ объ этомъ. Если бы мы могли вмѣщать, конечно, многое могли бы узнать изъ такихъ лекцій Ѳедора Антоновича. Но намъ тогда нужны были пока склоненія и спряженія, а Ѳедору Антоновичу онѣ казались чѣмъ то второстепеннымъ. Казалось, что онъ насъ, мало развитыхъ мальчугановъ, идеализировалъ въ слушателей высшей аудиторіи. Въ классъ ходилъ Ѳедоръ Антоновичъ безъ списка и баллы почти не ставилъ въ классѣ и, кажется, только по необходимости выставлялъ ихъ къ четвертямъ года. Къ особенностямъ Ѳедора Антоновича, какъ преподавателя, нельзя не прибавить его любовь къ пѣнію. Онъ ходилъ въ Предтеченскую церковь и тамъ всегда становился на клиросѣ. Въ классахъ, на своихъ урокахъ, онъ практиковалъ пѣніе и непрѣнно погречески ¹⁾. Молитвы предъ и послѣ урока всегда читались, а большею частію пѣлись погречески. Но часто цѣлый урокъ греческаго языка посвящался греческому пѣнію. Для этого, при приходѣ Ѳедора Антоновича на урокъ, мы заявляли свое желаніе пѣть. Ѳедоръ Антоновичъ всегда охотно давалъ это разрѣшеніе и самъ запѣвалъ и съ наслажденіемъ подпѣвалъ намъ своимъ тепоромъ.

Вслѣдствіе этого, мы всѣ знали наизусть и умѣли пѣть всѣмъ классомъ по гречески много церковныхъ пѣснопѣній, какъ напр., «Царю небесный», «Достойно есть», каноны: Пасхѣ, Бо-

¹⁾ Почему-то Ѳедоръ Антоновичъ не былъ преподавателемъ пѣнія. Этотъ предметъ преподавалъ Ѳ. И. Исполатовъ.

жіей Матеря — «Отверзу уста».. и тропари дванадесятихъ праздниковъ. Это тѣмъ болѣе легко намъ было, что всѣ эти пѣснопѣнія имѣлись въ тогдашней греческой христоматіи. Мѣшать другимъ учителямъ своимъ пѣніемъ мы не могла, такъ какъ 3 и 4 кл., въ которыхъ пѣніе греческое больше всего практиковалось, помѣщались въ особыхъ зданіяхъ. Вообще Теодоръ Антоновичъ былъ идеалистъ по своему душевному и уметственному складу и больше, чѣмъ можно было бы желать отъ него, какъ учителя духовнаго училища. Хочется думать, что онъ былъ не на своемъ мѣстѣ: онъ былъ слишкомъ великъ для насъ по своему знанію греческаго языка, а мы для него были слишкомъ малы по своей естественной малосмышленности.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Въ Старицкомъ духовномъ училищѣ въ семидесятихъ годахъ.

(Изъ воспоминаній ученика).

(Окончаніе ¹).

Латинскій языкъ преподавалъ Михаилъ Яковлевичъ Воробьевъ, то же съ семинарскимъ образованіемъ. Поступилъ онъ въ 1874 году и предъ поступленіемъ давалъ пробный² урокъ при конкурсѣ какого-то другого кандидата. Помнится, ихъ пробные уроки были даны почти одинъ за другимъ, и на нихъ были допущены ученики изъ всѣхъ классовъ. Послѣ пробныхъ уроковъ остался съ нами въ классѣ Димитрій Иларіоновичъ и спросилъ, который изъ кандидатовъ намъ болѣе понравился. Мы подали голосъ за Михаила Яковлевича, который, видимо, пришелся по душѣ и учительской корпораціи, такъ какъ онъ и былъ скоро утвержденъ учителемъ латинскаго языка. Какъ преподаватель, онъ былъ строгій и всегда серьезный: ничего на урокахъ не говорилъ, кромѣ урока, и аккурратно ставилъ баллы ²).

¹) См. Тв. Епарх. Вѣд. за 1907 г. № 3.

²) Впослѣдствіи Михаилъ Яковлевичъ женился на родственницѣ Димитрія Иларіоновича и былъ священникомъ въ Ржевскомъ уѣздѣ. У него жилъ послѣдніе свои годы и умеръ Димитрій Иларіоновичъ.

Священную исторію и катихизисъ преподавалъ Ѳедоръ Ивановичъ Исполатовъ, изъ студентовъ семинаріи, молодой человѣкъ, поступилъ въ училище года на два раньше Михаила Яковлевича. Въ восьмидесятыхъ годахъ онъ поступилъ священникомъ къ Симеоновской городской церкви, но скоро умеръ и, кажется, отъ чухотки. Когда вспоминаешь Ѳедора Ивановича, то невольно задаешься вопросомъ: какъ могъ этотъ человѣкъ соединить въ себѣ столько добраго, милаго, что ни одно темное облачко не омрачаетъ этой свѣтлой личности. Въ немъ была какая-то особая чарующая, привлекательная сила, которая влекла насъ къ нему. Разказы его по священной исторіи были такъ воодушевленны, увлекательны, что мы часто просили Ѳедора Ивановича разсказывать еще и еще, уже послѣ звонка на перемѣну.

Наказаній онъ никакихъ не практиковалъ, да и не было въ нихъ нужды. Намъ какъ то страшно совѣстно было огорчить чѣмъ-нибудь Ѳедора Ивановича, или видѣть его недовольнымъ. На съ кѣмъ изъ преподавателей мы такъ много и откровенно не говорили, какъ съ нимъ. Особеннымъ удовольствіемъ для насъ было въ теплую, ясную погоду встрѣчать Ѳедора Ивановича предъ уроками съ его квартиры, которая была недалеко отъ Предтеченской церкви, на высокой береговой горѣ. Тихо, бывало, идетъ онъ по крутому склону берега Волги къ монастырю, а мы цѣлой толпой бѣжимъ ему на встрѣчу, окружаемъ его, и для каждого изъ насъ найдется у Ѳедора Ивановича ласковое слово, улыбка, или шутка. И съ нимъ тогда для насъ все было мило и чарующе прелестно: и ласковые голубые глаза Ѳедора Ивановича, свѣтлое, ясное утро и тихія могучія струи родной Волги.

Въ Ѳедорѣ Ивановичѣ была какая то особая разумная тактичность по отношенію къ ученикамъ. Есть и было много учителей добрыхъ и ласковыхъ. Но часто ихъ доброта и ласковость даетъ поводъ къ панибратству, вли дѣлается средствомъ для манкированія уроками, выпрашиванія прибавки балла и т. п. Въ

Федоръ Ивановичъ доброта и ласковость были какъ-то соразмѣнены съ высокимъ авторитетомъ его искренно сердечной личности. Навѣрное эта его неподдѣльная искренняя доброта и заставляла насъ съ тихой же искренностію любить его. Вообще Старицкое духовное училище должно хранить особую благодарную память о Дмитріѣ Иларіоновичѣ Воскресенскомъ и Федорѣ Ивановичѣ Испоплатовѣ, которые своимъ авторитетомъ и вліяніемъ внесли въ училищную жизнь, послѣ только что предъ нами произведенной реформы духовно-учебныхъ заведеній изъ старой холодной бурсы, новую живую струю гуманности, сѣумѣли поставить главнымъ двигателемъ учебно-воспитательнаго дѣла, вмѣсто страха бурсы, сердце и совѣсть.

Квартирная жизнь учениковъ въ то время была почти всецѣло подъ наблюденіемъ помощника смотрителя Якова Григорьевича Божукова. Въ квартирныхъ журналахъ точно было обозначено, что и когда ученики должны дѣлать. Такъ, утромъ ученики должны были вставать въ 7 часовъ, а ложиться спать не позже 10 часовъ. Утромъ и вечеромъ дежурный по квартирѣ читалъ по молитвеннику молитвы, послѣ утренней молитвы былъ завтракъ (чай пили однажды въ день вечеромъ и то на нѣкоторыхъ квартирахъ не каждый день); послѣ завтрака ученики шли въ училище. Съ внѣшней стороны большая часть ученическихъ квартиръ была въ самомъ неприглядномъ видѣ. Особенно страдали онѣ своей тѣснотой и скученностію. Было ли это отъ недостатка квартиръ, или просто не обращали на это вниманія, только большею частию квартиры съ 10—12 учениками состояли изъ небольшой комнатки рядомъ съ семьей хозяина. Кроватей для учениковъ ни на одной квартирѣ не было, а спали обыкновенно на войлокахъ на полу. Войлоки утромъ свертывались вмѣстѣ съ подушкой и одѣяломъ и клались куда нибудь въ уголъ, или на русскую печь, на палаты. Понятно, что въ такихъ постеляхъ—войлокахъ было не мало пыли и всякой грязи и всего того, въ чемъ такъ любятъ гнѣздиться разные паразиты. Въ качествѣ квартиръ наблюдался

такой любопытный фактъ: у мѣщанъ ученическія квартиры были чище и лучше, а у содержателей квартиръ изъ духовнаго званія — псаломщиковъ, квартиры были на самомъ худомъ счету. Псаломщики церковей Богоявленской, Предтеченской и Ильинской — все имѣли квартирантовъ учениковъ, для которыхъ удѣляли въ своихъ и такъ небольшихъ домахъ комнатки. И эти «духовныя», какъ ихъ звали въ то время, квартиры были полны грязи и заброшенности. На одной изъ такихъ псаломщическихъ квартиръ поставили и меня въ первый годъ по поступленіи въ училище. Квартира состояла въ одной — аршинъ 8 — комнатѣ, занятой столомъ для нашей ѣды и занятій, а насъ было 10 учениковъ. Рядомъ, за перегородкой, помещалась семья хозяина съ 5 — 6 маленькими дѣтьми. Хозяйка псаломщица была полновластной нашей госпожею: оставляла насъ за малѣйшія вины безъ ужина, стегала, или, какъ она выражалась, «шлепала» свернутымъ въ жгутъ полотенцемъ, а для поддержанія чистоты заставляла насъ, не смотря на погоду, разуваться въ корридорѣ и ходить въ домѣ босикомъ. Мужъ ея, занимавшійся переплетомъ книгъ, употреблялъ насъ для мелкихъ работъ: варить клестеръ, мести полъ въ его рабочей каморкѣ и бѣгать въ лавку. Насъ, новичковъ, на этой квартирѣ было трое, и все мы, по простествіи одного мѣсяца, отъ такого суроваго режима, послѣ домашней нѣжно заботливой обстановки, захворали. Только въ декабрѣ я выздоровѣлъ и могъ продолжать ученіе, но поставленъ былъ батюшкою на другую квартиру въ Чирьевой улицѣ, у старичковъ мѣщанъ Петра Ивановича и Анны Васильевны Чирьевыхъ. Никогда не забудешь этихъ добрыхъ заботливыхъ старичковъ. Стояло насъ у нихъ 8 учениковъ въ двухъ довольно просторныхъ свѣтлыхъ комнатахъ съ окнами на югъ. Изъ оконъ открывался чудный видъ на Волгу, на заволжскую другую часть города, на высокую соборную гору, на соборъ и на красивую отдѣльную колокольню его, а въ сторонѣ отъ собора, на высокомъ береговомъ утесѣ, видѣнъ былъ древній крѣпостной валъ съ его знаменитыми развалинами древнихъ княжескихъ дворцовъ,

открытыхъ въ недавнее время. Къ монастырю эта квартира была самая близкая: стоило только спуститься подъ гору. Въ полномъ мирѣ и довольствѣ проходила наша училищная жизнь на этой квартирѣ въ продолженіи всего училищнаго курса ученія, благодаря особой заботливости о насъ добрыхъ старичковъ хозяевъ. Хозяинъ Петръ Ивановичъ былъ крѣпкій добрый старикъ, съ окладистою большею сѣдой бородой, съ нѣсколько подслѣповатыми глазами, отъ чего при работѣ носилъ всегда очки; Анна Васильевна, жена его, была низенькая, худощавая старушка, бойкая, живая, всегда и всюду успѣвавшая все усмотрѣть, сдѣлать, поправить. Она насъ вкусно и сытно кормила, а Петръ Ивановичъ былъ нашимъ заботливымъ гувернеромъ: слѣдилъ, чтобы мы готовили уроки, въ неурочное время приглядывалъ за нашими играми, ходилъ съ нами въ баню и помогалъ мыться малышамъ, а лѣтомъ всегда сопровождалъ насъ купаться на Волгу. Чистота на квартирѣ была его главною, всегдашнею заботою. Онъ былъ, кромѣ этого, очень религіозенъ и потому особенно слѣдилъ за правильнымъ исполненіемъ нами утреннихъ и вечернихъ молитвъ и самъ всегда при этомъ молился съ нами. Любилъ Петръ Ивановичъ читать и пѣть «божественное». Были у него, между прочимъ, Прологъ и Четьи-Миней на славянскомъ языкѣ, которыя онъ читалъ съ особымъ благоговѣніемъ, речитативомъ, нѣсколько на распѣвъ. Пѣніе особенно любилъ онъ и что бы онъ ни дѣлалъ, всегда, бывало, слышать его старческій, нѣсколько дребезжащій, голосъ, распѣвающій какой-нибудь ирмосъ, или тропарь. Часто устраивалъ онъ и общее съ нами пѣніе церковныхъ пѣснопѣній. Обыкновенно онъ любилъ это дѣлать подъ праздникъ, до всепощной. Засвѣтитъ Петръ Ивановичъ предъ иконами лампадки, соберетъ насъ въ кружокъ и въ этомъ мирномъ сумракѣ отъ лучей лампадъ стройно понесется наше пѣніе богодухновенныхъ божественныхъ пѣснопѣній. Никогда не забудешь этихъ простыхъ по внѣшности, но глубокихъ по содержанію разумныхъ минутъ дѣтства! Ко всенощной и поздней обѣдни мы ходили «по обязан-

ности» въ Богоявленскую церковь ¹⁾, гдѣ пѣлъ духовно-училищ-
ный хоръ. Но въ праздникъ часто Петръ Ивановичъ предлагалъ
намъ, кромѣ этой, сходить съ нимъ къ ранней обѣднѣ въ мона-
стырь. Всегда обыкновенно нѣкоторыхъ изъ насъ соглашались съ
такимъ его предложеніемъ, и это для Петра Ивановича было осо-
бымъ удовольствіемъ. Заботливо, бывало, такихъ утромъ разбу-
дить, поможетъ найти пальто, шапку, а послѣ обѣдни ходившіе съ
нимъ въ монастырь непременно пили чай въ ихъ комнатѣ.
Прочіе же ученики предъ поздней обѣдней получали отъ Анны
Васильевны по «обязательной» булкѣ, а чай пили всѣ послѣ
обѣдни. Въ 1877 году, когда началась война съ турками, Петръ
Ивановичъ усердно щипалъ изъ стараго холста корпію для ране-
ныхъ, и мы въ свободное время ему помогали. Потомъ, по его
иниціативѣ, мы выписали въ складчину вмѣстѣ съ нимъ извѣ-
стную въ то время иллюстрированную газету Гатцука. Читать
извѣстія съ войны вслухъ для насъ было особеннымъ удоволь-
ствіемъ. Бывало только что входимъ изъ училища въ квартиру,
Петръ Ивановичъ встрѣчаетъ насъ съ новымъ номеромъ газеты и
сидѣть сообщить военныя новости. Когда привезли въ Старицу
плѣнныхъ турокъ, мы ходили съ Петромъ Ивановичемъ смотрѣть
ихъ, при чемъ онъ купилъ дорогою нѣсколько «старицкихъ грече-
виковъ» (хлѣбъ пирамидальной формы изъ гречневой муки), и роздалъ
ихъ туркамъ. Вообще наша жизнь на квартирѣ такъ тѣсно, нераз-
рывно слилась съ добрыми старичками хозяевами, что какъ то само со-
бою у насъ были общіе интересы, общія радости и горести. Наши
успѣхи и неуспѣхи въ наукахъ Петръ Ивановичъ близко прини-

¹⁾ Въ Богоявленской церкви было въ то время два священника:
о. А. Смирновъ и о. В. Пѣшеховъ. Служили они всегда каждый въ
своемъ придѣлѣ, которые и назывались по ихъ именамъ. О. В. Пѣше-
ховъ говорилъ часто проповѣди и на самой жизненной почвѣ. Напр.
слышались такія выраженія: „вчера пьяные льговскіе мужики прохо-
дили мимо моего дома“... и т. п.

малъ къ сердцу. Бывало въ отпускъ всё мы должны были показать ему свои билеты съ баллами, и онъ съ особой благодарной улыбкой гладилъ по головѣ имѣющихъ 5 и 4. Яковъ Григорьевичъ, видимо, цѣнилъ добрыя отношенія къ намъ Петра Ивановича и рѣже другихъ квартиръ посѣщалъ нашу и всегда былъ любезенъ съ Петромъ Ивановичемъ. Въ 1877 г. была произведена ревизія всѣхъ духовно-учебныхъ заведеній Тверской губерніи. Ревизоромъ былъ членъ учебнаго комитета при Св. Синодѣ г. Мирнопольскій. Это событіе, какъ выдающееся изъ обыкновенной училищной жизни, очень живо сохранилось въ моей памяти, поэтому я позволяю себѣ остановиться на немъ болѣе подробно. Вѣсть о пріѣздѣ ревизора у насъ въ Старицкомъ дух. училищѣ получена была довольно рано и почему то она сдѣлалась предметомъ волненій и упадка духа въ нашихъ наставникахъ. Больше всѣхъ произносилъ слово ревизоръ и, кажется, волновался Яковъ Григорьевичъ. Волей не волей ихъ волненіе передавалось и намъ, и тѣмъ болѣе по тому, что, послѣ вѣсти о пріѣздѣ ревизора, намъ при каждомъ замѣчаніи, выговорѣ напоминали о немъ, какъ о какомъ то неумолимомъ, страшномъ карателѣ всѣхъ нашихъ ученическихъ прегрѣшеній. Отъ этого мы всё ждали ревизора со страхомъ и трепетомъ. Пріѣхалъ ревизоръ, какъ и всегда пріѣзжаютъ ревизоры, не въ то время, когда его собирались встрѣтить, — помнится, къ вечеру, когда уроки въ училищѣ кончились. Пріѣхалъ онъ прямо въ домъ смотрителя Дмитрія Иларіоновича, гдѣ, кажется, для педагогическаго совѣта, собрались почти всё наставники. Въ этотъ день мы послѣ обѣда беззаботно шалили около своей квартиры. Вдругъ видимъ: быстро идетъ къ намъ Яковъ Григорьевичъ, машетъ руками и кричитъ: «на квартиру! ревизоръ! ревизоръ!». Потомъ тотчасъ же пошелъ также быстро назадъ въ другую улицу, гдѣ были ученическія квартиры. Дѣйствительно, недолго спустя пріѣхалъ къ намъ на квартиру на извозикѣ Дмитрій Иларіоновичъ съ какимъ-то господиномъ, который и оказался ревизоромъ. Противъ всѣхъ нашихъ ожиданій, страшнаго въ симпатичномъ

лицъ г. Миропольскаго ничего не оказалось. Когда взшелъ онъ въ комнату, ласково сказалъ намъ: «здравствуйте, дѣтки» и потомъ, видя, что мы какъ-будто самымъ прилѣжнымъ образомъ занимаемся уроками, спросилъ: «развѣ вы всегда такъ рано начинаете заниматься уроками?». «Теперь вамъ слѣдовало бы еще быть на улицѣ, играть». Мы, все еще полные недовѣрія и страха, общимъ голосомъ заявляемъ ему: «Мы не играемъ, на улицу не ходимъ». Г. Миропольскій добродушно улыбнулся и сказалъ: «это я не похваляю. Непремѣнно послѣ обѣда, до опредѣленнаго времени для занятій, вы должны быть на воздухѣ, гулять». Послѣ этихъ его словъ, совершенно неожиданно, одинъ изъ товарищей—Скорюпинъ заявляетъ ему: «признаться сказать: мы на улицу ходимъ и играемъ».—«Вотъ спасибо за правду», сказалъ Миропольскій, глядя его по головѣ, «я, вѣдь, и зналъ, что вы гуляете». Обаяніе страха у насъ послѣ этого стало нѣсколько проходить, и мы уже довольно бойко стали отвѣчать ему на слѣдующіе его вопросы о содержаніи прочитанныхъ нами книгъ.

Какъ ни мало мы читали, да и вообще библіотека училища тогда была слишкомъ неразнообразна, все-таки каждый изъ насъ нашелъ въ своей памяти кое-что сказать изъ прочитаннаго имъ. Наконецъ, ревизоръ спросилъ о мѣстѣ, гдѣ мы спимъ, и, когда ему сказали, что спимъ на полу, на войлокахъ, полюбопытствовалъ посмотреть наши войлоки. «Какъ ни хороши ваши войлоки», сказалъ при этомъ ревизоръ, «но лучше было-бы, если-бы вы запаслись кроватками». «Вотъ такого малыша», прибавилъ онъ, указывая на Александровскаго, очень способнаго, одного изъ первыхъ нашего товарища, но маленькаго ростомъ, — «кладите въ сторонку, а не противъ двери». Съ этими словами простился съ нами ревизоръ и уѣхалъ съ квартиры. Вечеромъ опять пришелъ къ намъ на квартиру Яковъ Григорьевичъ. Послѣ спросовъ о посѣщеніи ревизора, приказалъ намъ: какъ можно лучше приготовить уроки къ завтритнему дню, одѣться въ классъ почище и потомъ, чтобы у всѣхъ на шейхъ были галстуки или платки,

какъ онъ и самъ носилъ. Приказаніемъ относительно галстуконъ мы были поставлены въ большое затрудненіе: галстуконъ у насъ не было, а платконъ негдѣ было всемо достать. Кое-какіе, въ родѣ носовыхъ, были, правда, у насъ платки, но одни были слишкомъ малы, другіе грязноваты. На помощь намъ пришла добрая наша хозяйка Анна Васильевна. Она отыскала у себя всемо намъ на утро платки различныхъ цвѣтовъ и величинъ. Завязавши платками свои шеи, приваряженные, мы отправились раньше обыкновеннаго въ училище. Замѣтно было, что распоряженіе Якова Григорьевича о галстукахъ было сдѣлано и на другихъ квартирахъ, такъ какъ у всемо почти учениковъ шеи оказались чѣмъ-нибудь завязанными. Скоро пришелъ въ училище и самъ Яковъ Григорьевичъ, зашелъ въ нашъ классъ, осмотрѣлъ насъ, кое-кому изъ ненадежныхъ задалъ вопросы изъ заданнаго урока по географіи и, видимо, довольный нами, пошелъ въ другіе классы. Въ первый урокъ, по географіи, пришелъ въ нашъ классъ ревизоръ и тотчасъ же обратилъ вниманіе на наши завязанные шеи. Велѣлъ платки снять и убрать въ парты и къ этому замѣтилъ намъ, что вредно сидѣть въ комнатѣ съ завязанной шеей. Что чувствовалъ при этомъ замѣчаніи Яковъ Григорьевичъ, неизвѣстно, но, кажется, его считалъ онъ своею первою неудачею, которая, при всей своей маловажности, не прошла даромъ для приподнятой, впечатлительной натуры его. Началъ Яковъ Григорьевичъ спрашивать и, помнится, все отвѣчали хорошо. Одного изъ учениковъ — Яшина ревизоръ вызвалъ къ доскѣ и велѣлъ начертить теченіе Волги. Когда тотъ кончилъ, г. Миропольскій, указывая на поворотъ теченія Волги у г. Самары, спросилъ, какъ называется эта извилина. Ни Яшинъ и никто изъ насъ, оказалось, не зналъ ея названія. Кое-кто изъ учениковъ стали было вставать и говорить наобумъ названіе, какъ надрим., кривой рогъ, рукавъ. Это окончательно выбило изъ должной колеи Якова Григорьевича, и онъ грозно, своимъ басовымъ голосомъ крикнулъ: «молчать»... и потомъ сказалъ, что это называется

«Самарская лука». Началъ потомъ Яковъ Григорьевичъ объяснять на слѣдующій урокъ, но все было не то и не такъ, какъ обыкновенно. Видимо было, что нервная повышенность въ сознаниі Якова Григорьевича преувеличила значеніе этихъ неудачъ и онъ невольно показывалъ себя не такимъ, какимъ былъ на самомъ дѣлѣ. На другой день ревизоръ пришелъ въ нашъ классъ на другой предметъ Якова Григорьевича — ариметику. Тутъ насъ особенно поразило обращеніе съ нами Якова Григорьевича при ревизорѣ. Когда вызывалъ онъ при немъ учениковъ, то говорилъ имъ на «вы», а къ нѣкоторымъ фамиліямъ прибавлялъ «господинъ». Эти «вы» и «господинъ» для насъ, ничего подобнаго раньше не слышавшихъ, такъ были странны и курьезны, что ученики, попавшіе въ «господа» на этомъ урокѣ при ревизорѣ, остались съ такимъ названіемъ между товарищами и послѣ и всегда искренно обижались за эти названія.

Былъ ревизоръ у насъ и на греческомъ языкѣ. Входъ и исходъ его мы сопровождали пѣніемъ по-гречески «Царю небесный»... и «Достойно»... Ѳеодоръ Антоновичъ при ревизорѣ воодушевленно объяснялъ урокъ.

Всѣхъ лучше прошелъ урокъ у Ѳ. И. Исполотова по катихизису. Ѳеодоръ Ивановичъ былъ спокоенъ, милъ и интересенъ, какъ и всегда. Мы совсѣмъ при немъ почти не замѣчали присутствія ревизора. Въ концѣ урока ревизоръ подошелъ къ Ѳеодору Ивановичу, пожалъ ему руку и во всеуслышаніе сказалъ: «мнѣ такъ пріятно было быть на вашемъ урокѣ, что я и не замѣтилъ, какъ прошло время».

Весною 1878 г., предъ экзаменами, Старицкое дух. училище посѣтилъ Высокопреосвященнѣйшій Евсевій, Архіепископъ Тверской. Пріѣхалъ Владыка вечеромъ со станціи желѣзной дороги заѣзжалъ въ соборъ, а потомъ въ монастырь. Съ торжествомъ и благовѣніемъ городъ встрѣчалъ святителя. Особенно ожидало его много народа въ монастырѣ, гдѣ пришлось Владыкѣ долго

благословлять народъ въ храмахъ и на улицѣ. На другой день Владыка прибылъ въ дух. училище и, между прочимъ, зашелъ въ нашъ классъ во время урока Якова Григорьевича. Благообразная, величавая наружность Владыки отражала какое-то особое достоинство. Яковъ Григорьевичъ, спрашивая при немъ, началъ, какъ и при ревизорѣ, величать насъ на «вы» съ прибавкою «господинъ». Преозвященный, слушая эти величанія, замѣтилъ: «что это вы величаете ихъ господами? Пожалуй заберутъ себѣ въ голову, что они и правда уже господа. Что съ ними тогда будетъ»?! Яковъ Григорьевичъ что-то ему на это говорилъ, а Владыка благодушно на его слова улыбался. При выходѣ изъ класса, благословляя, Владыка сказалъ намъ: «учитесь, ребятки, прилѣжьте. Будете священниками: будете другихъ учить».

Въ томъ же 1878 г., послѣ экзаменовъ, собрались мы въ Успенскій монастырскій храмъ къ литургіи, послѣ которой былъ благодарный Господу Богу молебенъ объ окончаніи учебнаго года и нашего курса ученія въ училищѣ. Послѣ молебна собрались мы въ классъ, куда пришли Димитрій Иларіоновичъ съ Яковомъ Григорьевичемъ и прочіе преподаватели. Со слезами на глазахъ говорилъ намъ Димитрій Иларіоновичъ свое послѣднее прощаніе. Конечно, мы тогда, хотя и любили этихъ своихъ добрыхъ наставниковъ, но всего ясно не сознавали и не цѣнили. Теперь только, когда жизненный опытъ заставилъ присмотрѣться къ людямъ и относиться къ нимъ въ сравнительной нравственной оцѣнкой, только теперь вполне ясно выступаетъ въ сознаніи высоконравственный обликъ этихъ великихъ и искреннихъ тружениковъ духовно-учебнаго дѣла. Вѣчная имъ память! — Послѣ насъ они недолго были въ Старицкомъ училищѣ. Присоединено было къ Старицкому духовному училищу Ржевское, и съ нимъ вмѣстѣ явились новые начальники и наставники. Само училище изъ священныхъ стѣнъ монастыря перенесено на другую сторону Волги, на базарную Вознесенскую площадь, рядомъ съ городскими и уѣздными зда-

ніями присутственныхъ мѣстъ и противъ общественнаго городского сада.

Въ семинаріи намъ пришлось обновлять только что достроенный новый корпусъ, около котораго, по пріѣздѣ нашемъ на экзамены, кое-гдѣ еще были лѣса. Пльнные турки выносили мусоръ, ровняли кругомъ его почву.

Свящ. *П. Соколовъ.*